

О пропавшем на войне сыне Чуковского Борисе, письме Солженицына IV съезду Союза советских писателей и редакциях «Архипелага ГУЛАГ»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1696>

10 апреля 2014

Собеседник

Чуковская Елена Цезаревна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 10 апреля 2014 и опубликована 27 мая 2016.

Введение

Во второй беседе Елена Чуковская вспоминает о своем дяде Борисе, пропавшем без вести во время войны, о гибели отца в блокадном Ленинграде, рассказывает об отношении Чуковского к Солженицыну, начале своего знакомства с писателем и особенностях работы над перепечаткой его книг.

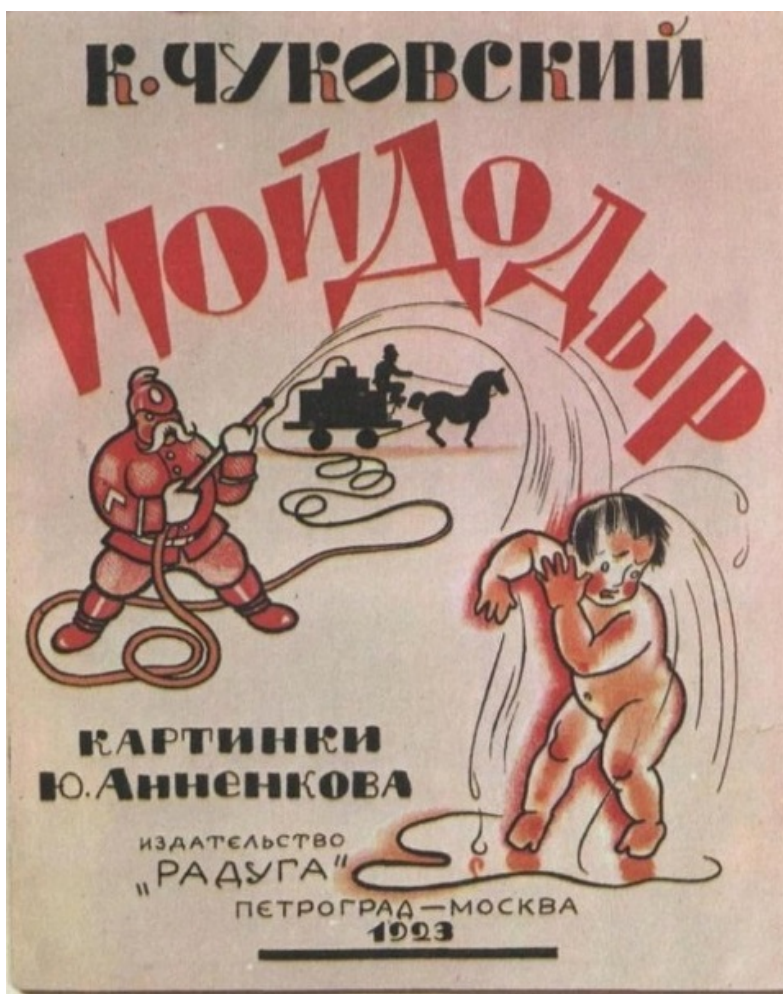
Много внимания Елена Чуковская уделяет работе над текстом «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ», говорит о том, как менялось содержание произведений, с какими трудностями печатали рукописи и какие последствия ожидали соратников Солженицына. Она вспоминает о трагической судьбе Елизаветы Воронянской и уничтожении архива писателя.

Николай Александрович Формозов: Во-первых, я хотел спросить вас вот о чем: существует такая легенда, что уход в детскую литературу (как уход в переводы) — это некое убежище, которое позволяло, в общем-то, творить человеку достаточно свободно, избегать цензуры. И в случае Корнея Ивановича, похоже, это так было, вы согласны?

Елена Цезаревна Чуковская: Нет, я не согласна, потому что его уход в детскую литературу начался до революции, и начался он с его интереса к языку, всегдашнего. Он выпустил книгу «Матерям о детских журналах», где, в частности, впервые наблюдал — а потом писал о футуристах в 1914 году, — что язык детей складывается по тем же законам, как язык футуристов. И, кроме того, много раз у него написано, что отдыхать он может только среди детей, он любил проводить время среди детей. Своего «Крокодила» он написал в 1917 году, еще тогда, когда не искал путей, как ему уйти из критики, а просто написал «Крокодила»...

Н.Ф.: А, понятно.

Е.Ч.: ...который считал романом для детей, для самых больших малышек. Дальше все его сказки, написанные в начале 1920-х годов. Трудно сказать... Во-первых, он совершенно тогда не знал, что именно этим он станет известен, когда писал. Первая его сказка была, по-моему, «Мойдодыр». А потом первая книжка была «Муркина книга», то есть книжка, написанная для младшей дочери, которой он очень занимался, которой он рассказывал много, сочинял для нее, придумывал.

Обложка первого издания «Мойдодыр». 1923 г.

Н.Ф.: И она была очень талантливая.

Е.Ч.: И она была талантливая. Так что нет, это не было уходом за заработком, каким были, допустим, комментарии к Некрасову или последующие его работы, вынужденные.

Сказать, что он ушел в переводы... — если посмотреть, он этим занимался всю жизнь. Допустим, Киплинга он перевел в 1909 году, Уитмена впервые, по-моему, чуть ли не в 1906-м. Он был редактором собрания сочинений Оскара Уальда в 1912 году. Потом был одним из создателей журнала «Современный Запад», и там печатался весь переведенный им О'Генри. У него был огромный интерес к иностранной литературе — вообще к англоязычному миру. И он жаждал это все принести в нашу литературу, это его занимало. Он в издательстве «Всемирная литература» вместе с Замятиным возглавлял отдел англо-американской литературы, отбирал те книги, которые надо перевести...

Н.Ф.: Это какие годы?

Е.Ч.: Где-то 1920-е. 1918-й — 1924-й. То есть это не то, что ему заказывала газета написать, а то, что он сам выбирал для себя, то, что его интересовало.

Н.Ф.: И это не было для него и не стало убежищем, потому что, в общем-то, он...

Е.Ч.: ...В каком-то смысле стало, потому что он перевел в результате Марка Твена «Гекльберри Финна», «Робинзона Крузо», «Барона Мюнхгаузена», и сказки Киплинга, и О'Генри, и немножко Конан Дойла. И всё это книги, которые издаются сейчас. И я даже изумляюсь (я получаю авторские экземпляры).

” О'Генри издается бесконечное число раз, «Робинзон Крузо» издается бесконечное число раз, «Мюнхгаузен» постоянно издается, — все эти переводы живут и сейчас.

Н.Ф.: Кстати, насколько я знаю, Генри почти забыт в англо-американском мире.

Е.Ч.: Да, я даже немножко удивляюсь, но он издается без нажима как-то.

Н.Ф.: А потому что, бывает, что перевод — это другая жизнь книги.

Е.Ч.: Я сейчас как раз по украинским делам вспоминала «Королей и капусту» — очень похоже: как там бегут эти банановые президенты.

Н.Ф.: (*Смеется.*) Понятно-понятно. Еще не только от меня вопрос — и от моей жены тоже, потому что мы бываем в музее, и нас не удовлетворяет, что мало очень рассказывают про Марию Борисовну. Расскажите, пожалуйста, про бабушку.

Е.Ч.: Это сложный вопрос... Она в 1949 году очень тяжело заболела, у нее был инсульт, и последние лет шесть-семь была тяжелым инвалидом. Она была женщиной, как говорили, в юности очень красивой, избалованной, можно сказать, поскольку она никогда не работала, очень командовала Корнеем Ивановичем. У моей мамы были с ней плохие отношения, может быть, поэтому так как-то... А последние годы она просто была тяжело больным человеком...

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: А запоминается как-то от последних годов, и внуки запомнили ее уже в таком, неважном состоянии.

Н.Ф.: А вот... тоже моя жена обратила внимание, что в дневниках Корней Иванович обращается к ней только «Мария Борисовна» и «М.Б.».

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: Это были такие старомодные отношения на «вы»?

Е.Ч.: Да. Как-то это тоже, наверное, с годами установилось. Да, он называл ее Мария Борисовна или Маша, он называл ее Маша.

Н.Ф.: Все-таки Маша, да? Еще, знаете, очень мало известно про вашего дядю, Бориса.

Дядя Борис

Е.Ч.: Ну про дядю. Сохранились его письма, которые, к сожалению, мы не могли напечатать в собрании, потому что там принцип такой: можно было только письма Корнея Ивановича, если бы были его письма, тогда бы можно было хотя бы в примечаниях поместить письма Бобины. Но не сохранили...

Дело в том, что, когда началась война, он жил в Москве. Он был гидроинженером и имел бронь, то есть мог не идти на войну. Но когда все начало раскручиваться, он, помню, прислал записку в Переделкино и ушел в ополчение. И очень быстро погиб, как все наше московское ополчение. Перестали от него приходить письма уже зимой. Он погиб, и его сын остался, бабушка и дедушка воспитывали Женю. Но портрет его висит у мамы в комнате. Все его вспоминают как человека очень достойного, прямого, увлеченного. Он был совсем не литературный человек. Корней Иванович много о нем пишет в дневнике.

Н.Ф.: А у меня такой странный вопрос: а вы не помните дату его рождения? Это 1910 год, а вот когда именно?

Е.Ч.: Есть письмо Репина, письмо Корнея Ивановича к Репину, можно посмотреть...

Н.Ф.: Да, посмотрю.

Е.Ч.: У вас есть этот сборник «Переписка с Репиным»?

Н.Ф.: Нет. Дело в том, что сейчас есть действительно очень хорошая база данных, может быть, вы знаете, объединенная база данных «ВМемориал», о потерях в войне...

Е.Ч.: Да, и, кстати, есть пятнадцатитомник о потерях в войне, там есть Борис Корнеевич, я видела сама.

Н.Ф.:... И там можно посмотреть сведения, все сведения о его гибели происходят от запросов Корнея Ивановича.

Е.Ч.: В дневник вклеено письмо Корнею Ивановичу, которое прислал его однополчанин в 1962 году, что их послали, по-моему, в разведку, и он не вернулся, какие-то наводить мосты. Это напечатано.

Н.Ф.: Потому что я обнаружил, что бывает всякая путаница. Чуковские — редкая фамилия, хотя...

Е.Ч.: Да, она придуманная, поэтому редкая.

К.И. Чуковский с сыновьями Николаем и Борисом. Ленинград, 1927. Фотография М.С. Наппельбаума

Н.Ф.: Но есть еще и непридуманные Чуковские, в этой базе данных довольно много Чуковских, в том числе и Борис Корнеевич. И там только восходящие к запросам Корнея Ивановича, то есть никаких сведений о его гибели или исчезновении со стороны командования в архивах не...

Е.Ч.: ...Нет. Но если посмотреть в дневнике, сейчас я вам скажу, это просто. Это, значит, 1962 год... (*Перелистывает книжку.*) Вот, пожалуйста, здесь напечатано письмо (*читает*): «Многоуважаемый Корней Иванович!... Многие не знают, что в прошедшую войну вы потеряли сына. В первые дни войны я вместе с ним был в армии, хочу об этом вам рассказать. Мне пришлось с ним пережить солдатскую жизнь в июле-августе-сентябре 1941 года. Вначале я не знал, кто этот веселый и вместе с тем серьезный молодой симпатичный человек, потом мне сказали, что это сын Корнея Чуковского. Тогда пригляделся к нему внимательно, нашел много черт, схожих с отцом. Как сейчас помню, он был высокого роста, брюнет, лицом похож на вас. Помню, у него был друг, пониже ростом, студент четвертого курса, инженер по гидросооружениям. По-моему, к этой области имел отношение и ваш сын, так как этим двум солдатам было поручено восстановить плотину в одной из деревень, где мы сооружали оборонительные укрепления. Они с этой задачей справились успешно. К нам приходили представители общественности, объявили благодарность вашему сыну и его товарищу. В дальнейшем ходе военных событий нас разлучили. Мы были в одном взводе, потом меня перевели в штаб батальона, с тех пор я его больше не видел. Все это происходило в 13-й Ростокинской дивизии города Москвы, народное ополчение. Всю войну я помнил о вашем сыне. По демобилизации и приезде в Москву разыскал телефон вашей квартиры, позвонил и разговаривал с матерью, справлялся (*ну, то есть он не знает тоже ничего — Е.Ч.*), не вернулся ли ваш сын, но он не вернулся. Память о нем у вас в сердце, и, поверьте, все, кто соприкасался с ним, тем более ел из одного котелка, никогда его не забудут. Город Пенза. Может быть, есть что-нибудь нового в известиях о вашем сыне, буду очень признателен». Но нового ничего не было.

Н.Ф.: Вот, знаете, я нашел в этой базе данных, что там есть запись о гибели в немецком лагере на территории Франции, совпадает год, день рождения — тридцатого мая, но Чуковский Александр. Но поскольку там могла быть, это записывали по памяти...

Е.Ч.: Нет, он родился, кажется, в июне...

Н.Ф.: Помочь вам достать? Там высоко?

Е.Ч.: Поднимите... По-моему, они просто не здесь.

Н.Ф.: Что-то я здесь не вижу писем Репина.

Е.Ч.: (*Шуршит листами.*) Да, все распихано по разным углам, и так сразу их не найдешь. Это вообще не то, это просто конфеты. Письма Репина могут быть только тут. Вы не видите?

Н.Ф.: Пастернак, Лидия Чуковская, Чуковский, нет, здесь вот эти серые томики Лидии Чуковской, нет, не вижу. Переписка. Вот-вот, я нашел, вот они.

Е.Ч.: Репин, репинская, да? Вот спасибо, сейчас я точную дату вам скажу. Опять же, когда есть указатели, все это очень просто.

Н.Ф.: Потому что об этом Александре Чуковском нет никаких данных, что он пропал без вести. Конечно, там неполная база, конечно, там масса пропу...

Е.Ч.: Но Александра никакого нету у нас вообще.

Н.Ф.: Но это могла быть путаница в именах...

Е.Ч.: Ну если бы он был во Франции, он бы уже проявился.

Н.Ф.: Во Франции в 1942 году, в немецком лагере на каком-то острове этот человек погиб.

Е.Ч.: Это Лида, Коля... нет, это не то...

Н.Ф.: То есть это должно быть упоминание Бориса.

Е.Ч.:... А, там он еще не назван. Значит, он в 1910 году родился, сейчас... По-моему, это был июнь. Вот, тридцатого мая старого стиля.

Н.Ф.: Да?

Е.Ч.: Значит, плюс тринадцать...

Н.Ф.: Тридцатого мая? Там тоже написано «тридцатое мая».

Е.Ч.: Старого стиля.

Н.Ф.: Старого стиля. Но совпадение...

Е.Ч.: Репин в это время писал портрет Корнея Ивановича. Корней Иванович ему пишет: «Сегодня нашему сеансу не быть, Марья Борисовна рождает дома, роды осложнились, хлороформ, два врача, чем кончится, не знаю, прийти не могу». Да, вот по этому письму. Но я не думаю, что это...

Н.Ф.: Понимаете, почему я спросил: потому что 1910 год. Разные обстоятельства, люди меняли имена, чтобы, предположим, не повредило отцу, что попал в плен, мало ли какие могут быть соображения. И он в лагере мог называться другим именем... И там тридцатое мая. Этот Александр в 1942 году, на «о» как-то называется французский остров...

Е.Ч.: А что с ним дальше случилось?

Н.Ф.: Он попал в плен к немцам в 1941-м и погиб в 1942-м, когда была, видимо, какая-то эпидемия, там каждый день много-много-много погибших...

История критика Цезаря Вольпе и власовца Мелетия Зыкова

Е.Ч.: Во всяком случае, я могу сюда добавить историю с моим отцом, которая абсолютно совпадает с... то есть проверить это невозможно.

Значит, отец был в Москве, когда началась война, но его вторая жена с сыном оставались в Ленинграде. Он поехал за ними и въехал в Ленинград девятого августа, когда они выехали — они разминулись. Он оказался в Ленинграде, и началась блокада. Он был невоеннообязанный. Дальше что с ним было, я не знаю, известно было, как мне рассказывали ленинградцы, что он вместе с художником Кирнарским нанял грузовик, они выезжали через Ладогу и не приехали, погибли. Погибли, пока в 1970-е годы не начали писать в иностранной печати, что во Власовской армии был знаменитый комиссар, власовский комиссар по фамилии Зыков, а на самом деле это был Цезарь Вольпе. Он очень хорошо знал стихи и кому-то сказал, что у него была статья о Веневитинове, а статья о Веневитинове была как раз у Цезаря Вольпе. Это стало сюда кругами доходить. Я восприняла это сперва как очередную атаку на Лидию Корнеевну, а [его] сын, мой брат сводный Саша был замечательный человек, и засекреченный, по-моему, — чуть ли не главный инженер «Рубина». Он однажды в ужасе явился, уже в 1990-е годы, с очередной книжкой про Власова, где опять писалось, что Зыков — это Цезарь Вольпе. Это было еще интересно мне потому, что, когда я печатала «Архипелаг», со всем я была согласна, но там была глава о власовцах. И я с ней стала очень сильно спорить, я говорила, что они предатели, они дали присягу, и все, а моего отца вы просто расстреляли. Представить себе, что он, еврей, во власовской армии — очень было трудно.

И вот этот слух ходил-ходил, пока в 1997 году мне не позвонили из «Известий» и сказали: вот пишут нам из Америки опять, что этот самый Зыков — это Цезарь Вольпе. Я очень обрадовалась, говорю: «Давайте разбираться, у меня есть почерк, есть фотография». Фотографии этого Зыкова были напечатаны — это другое лицо.

«Вот проверяйте как хотите». И проверили, появилась в «Известиях» статья «Скрывался под своим именем», что этот Зыков был действительно Зыков. А отец так и погиб на Ладожском озере, но так как доказать ничего нельзя, то, когда являются Александры Чуковские или Зыковы...

Н.Ф.: А какой смысл был Зыкову называться именем еврея?

Е.Ч.: Нет, он не назывался [его] именем, он назвался Зыковым.

Н.Ф.: Но он как бы намекал, что у меня статья... У него тоже была статья о Веневитинове?

Е.Ч.: Этого я не знаю, я так далеко в его биографию не вдавалась. Во всяком случае, этого Зыкова, еще в конце войны, расстреляли: считалось, что как-то его разоблачили, что он еврей, и расстреляли. Как писалось во всех... Где это писалось?

Н.Ф.: Немцами был расстрелян?

Е.Ч.: Да. Но дело в том, что — у меня даже папка есть, я собирала все эти документы — и потом, мир тесен, у Корнея Ивановича стояла на столе фотография девочки английской, с которой он переписывался, — Катеньки Андреевой...

Н.Ф.: Это родственница...

Е.Ч.: Нет, это не родственница Андреева, я забыла, кто был ее отец в Англии... В общем, он с ней переписывался, портрет держал на столе. Она выросла, стала историком. И она была одна из тех, кто в своей книге написал, что этот Зыков — Цезарь Вольпе. Так как я могла с ней связаться, когда была в Англии, я с ней встретила и просто посмотрела, как это у них идет: один написал, и все переписывают, ничего не проверяя.

Н.Ф.: Конечно.

Е.Ч.: Ну как это — конечно?

Н.Ф.: (*Смеется.*) Конечно так идет! Я не хочу сказать, что это правильно.

Е.Ч.: Это же историк, он должен проверить. Она ничего не могла мне сказать. Она это переписала из той работы, которую я знала. А та работа тоже переписала, то есть кто-то высказал эту догадку, и дальше она пошла кочевать, пока ее не ухлопала перестройка, и «Известия», КГБ сличал там...

Н.Ф.: А как Зыкова звали?

Е.Ч.: Мелетий.

Н.Ф.: Мелетий. Вы знаете, сейчас есть потрясающие специалисты по власовцам...

Е.Ч.: Да, я знаю.

Н.Ф.: ...молодые ребята, которые знают все в деталях...

Е.Ч.: Да-да, я знаю, мне Дима Юрасов приносил какие-то тома.

Н.Ф.: Да, но вот...

Е.Ч.: Нет, история эта закрылась, но она просто примыкает: два человека погибли во время войны, и об этом нет свидетельских рассказов...

Н.Ф.: Но после того как вы мне все расскажете, если у вас работает интернет, мы можем посмотреть

в интернете, я вам покажу. Там среди погибших, конечно, не все, я много уже знаю случаев, когда пропущены, но это потрясающая база. Она, конечно, гораздо полнее, чем «мемориальная» база репрессированных. И главное — там можно посмотреть документ, откуда взята информация, она очень грамотно сделана. Там примерно пятнадцать Чуковских погибших, разных людей, с разными фамилиями.

Е.Ч.: Как с разными фамилиями?

Н.Ф.: Ой, простите, оговорился, с разными именами-отчествами. Там дважды упоминается Борис Корнеевич, оба раза со ссылками на запросы отца, все это тоже обобщено. То есть никаких сведений от командования не поступило.

Е.Ч.: Оба были на войне, и Николай Корнеевич, который не погиб и даже не был ранен.

Скрывшись за своей фамилией

Злава МАКСИМОВА, «Известия»

Письмо пришло из Филадельфии в канун 80-летия «Известий». Наш бывший соотечественник М.Юпп просил поискать в архиве газеты какие-нибудь сведения, а если повезет и фотографию известия довоенных лет Цезаря Вольпе. «Конечно, по старым советским меркам он — предатель, враг народа, однако история России повернулась, и информация о таких людях дает ключ к пониманию процессов, побуждающих людей сталинско-

рит он, был один враг — Сталин, но у нас — еще и Гитлер.

Разве не была изначально химерой даже мысль о попытке претворить эти построения в жизнь? Расклад идей и сил от самой завязки нереален, все расчеты — на разрыв. Отсюда недоговариваемая правда, непоставленные точки над «i». От начала ощущение конца.

Вернемся к Зыкову, не только самой таинственной, но, пожалуй, самой парадоксальной персоне в окружении мятежного генерала.

— Зыков считался одним из главных идейных вдохновителей движения. Кто он был — неизвестно. Во всяком случае, личность незаурядная, — рассказывает отец Александр. — Природная одаренность, кругозор, журналистский талант — все отпущено в большой мере. И огневидящая ненависть к Сталину. Она изменила Сталина хлесткому интернациональному марксизму. От подозрений, что он советский провокатор, его спасало разве что почти дока-

По этим признакам судебные эксперты исследовали фотографии М. Зыкова и Ц. Вольпе.

Кем же был главный идеолог при генерале Власове?
 ●
Детективный сюжет из хроники войны

мания, но и у них нет другого выхода... Окупировать СССР не может ни одна страна в мире. Следовательно, даже нацисты будут вынуждены согласиться с организацией временного русского правительства... помочь ему создать армию. Если же аппетиты нацистов будут слишком велики... мы всегда сможем их урезать. В этом нам помогут и теперешние союзники Советского Союза, особенно, когда убедятся, что у нас создано демокра-

«Если мне не удастся уехать, тогда уж не ждите».

Вольпе — Зыков?

В литературе о РОД и РОА сюжет Вольпе—Зыков стал хрестоматийным, хотя едва ли кто из авторов смог бы ответить на вопрос, откуда он это взял. Каждый новый — у предыдущего.

Кирилл Александров, тот самый исследователь РОД из Санкт-Петербурга, полкажал в Филадельфии

адреса. А когда уже ничего, кроме фольклора на полках...

М.Зыков из Москвы

Старший научный сотрудник Публичной библиотеки Нина Антоновна Зубкова, узнав о цели моих разысканий, вдруг незначай заметила: в каталоге, она проверила, стоит карточка с фамилией Зыков. Да-да, именно, Мелетий Александров.

Кто это? Зыков? Зыков — по...

Милетий Зыков и Цезарь Вольпе. Статья в «Известиях». 1995, № 62.

Н.Ф.: Нет, только погибшие и попавшие в плен и потом спасшиеся, то есть там только потери учтены. В том числе учтены, насколько возможно, данные о наших пленных, военнопленных. И вот список могил на каком-то острове, и совпадает дата, вот что поразительно, потому что это единственный Чуковский, кроме Бориса, родившийся в 1910 году. Дата совпадает, и я решил спросить, и вы говорите: тридцатое...

Е.Ч.: Я читала неизданную книжку Оксаны Ивановны Дворниченко, которая называется «Почему ты не погиб?», о наших военнопленных. Очень сильная книга, но никак она не может ее издать. Я думаю, чем дальше, тем это будет труднее.

Н.Ф.: Не знаю, но, в общем, сейчас...

Е.Ч.: Сейчас Яровая какие-то бредовые законы выдвигает.

Н.Ф.: Яровая... Мы все время отклоняемся от основной темы. Я еще хотел вас расспросить о взаимоотношениях Корнея Ивановича и Александра Исаевича.

Е.Ч.: Это были, в общем, очень хорошие отношения, поскольку Корней Иванович был инициатором не знакомства, инициатором знакомства был как раз Солженицын, но всего последующего развития сюжета. Он его пригласил жить в Переделкине, и это послужило началом его сближения со всеми остальными членами семьи. С Корнеем Ивановичем отношения, повторяю, были очень хорошие всегда, но такие: Александр Исаевич его старался как-то развлечь, не волновать, читал ему свои вещи некоторые. Но Корней Иванович совершенно был не в курсе, конечно: он не знал об «Архипелаге», не прочел «В круге первом».

Н.Ф.: Почему?

Е.Ч.: Я не знаю, может быть, просто уже как-то не поместилось в жизни. Он мог его прочитать где-нибудь в 1968 году — это уже был последний год жизни — в общем, не прочел. Немножко он отталкивался, может быть, от каких-то тяжелых впечатлений и сюжетов. Последнее, что он читал, и есть его восхищенный [отзыв]... Письма их, переписка напечатаны сейчас в «Новом мире», он восторженно отзывался о рассказах, не только об «Иване Денисовиче», а о рассказах, и писал Александру Исаевичу об этом, приглашал постоянно жить в Переделкине...

Н.Ф.: У Александра Исаевича сказано, что он и «Раковый корпус» не дочитал.

Е.Ч.: Как не дочитал?

Н.Ф.: Да, в пятом приложении к «Бодался теленок с дубом» сказано, что «Раковый корпус»... Там такое, показавшееся мне несколько сомнительным...

Е.Ч.: Я как-то пропустила. Что за пятое приложение?

Н.Ф.: Ну, пятое приложение — это «Невидимки» как раз, где большая статья о вас.

Е.Ч.: Вроде я его читала.

Н.Ф.: Да. Ну, и там сказано, что не дочитал «Раковый корпус», может быть, из-за мнительности, но мне кажется совершенно невероятным объяснение.

Е.Ч.: Какой мнительности?

Н.Ф.: Мнительности? Ну что о тяжелой болезни не хотелось ему читать, я так это понимаю. Но мне показалось это совершенно неправдоподобным объяснением.

Е.Ч.: Может быть, Корнею Ивановичу что-то не нравилось в этих главах об Авиете, но, боюсь, сейчас я уже не помню. Нет, я помню, что я ему читала, он читал «Раковый корпус».

Н.Ф.: Читал «Раковый корпус»?

Е.Ч.: Читал он «Раковый корпус», конечно. Он не читал «Круга» и не знал, повторяю, об «Архипелаге».

Н.Ф.: Да-да.

Е.Ч.: Это так. То есть он на нем как бы и остановился. После «Ракового корпуса», не знаю, читал ли он что-нибудь Солженицына. По-моему, нет.

Н.Ф.: Ну «Раковый корпус» — это замечательная вещь.

Е.Ч.: Читал, читал.

Н.Ф.: Читал он его?

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: У Александра Исаевича приводится фраза Корнея Ивановича, которая была сказана, когда Солженицын метался и был подавлен арестом архива...

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: ...изъятием архива, и Корней Иванович ему сказал: «Что вы беспокоитесь, вы обеспечили себе второе место после Толстого»?

Е.Ч.: Да, он писал ему, сравнивая его с Толстым, это есть и в письмах, но что он сказал, я просто не знаю. Раз он пишет, значит, наверное, так и сказал.

Работа по перепечатке рукописей Солженицына

Н.Ф.: Понятно. Давайте тогда вернемся к вашему знакомству и к помощи, которую вы оказывали Александру Исаевичу.

Е.Ч.: Уже, по-моему, мы ее осветили.

Н.Ф.: Нет, что вы — вы только познакомились с ним.

Е.Ч.: Ну мы познакомились. Значит, «Раковый корпус» уже проехали.

Н.Ф.: Нет-нет, вы только получили открытку.

Е.Ч.: А, я еще получила открытку.

Н.Ф.: Да, вы получили открытку, и тут, значит...

Е.Ч.: ...Приехал следом Солженицын и привез тетрабочку с «Раковым корпусом», с первой частью. Вторую часть он дописывал, через полгода примерно она была. И я эту тетрабочку начала печатать. Конечно, я не была профессиональной машинисткой, нужно было, печатать с оборотами, страницы переключивать, копирку. Машинка брала семь экземпляров, нельзя было делать ошибки. В общем, поначалу это было все сложно довольно, нужно было это сделать быстро, а я еще ходила на работу.

Вот из того, что я помню:

” Александр Исаевич мне говорил, что нужно, когда я кончаю печатать страницу, ее перечитать и выловить все ошибки. Сам он печатал действительно без ошибок и всегда удивлялся, когда ошибка проскакивала, ему это казалось странным. Еще я помню, что он сам потом читал напечатанные страницы и говорил, что помнит свой текст наизусть, и действительно видел все очень точно.

Эти экземпляры напечатанные, они послужили, так сказать, к тому, что что-то передавалось дальше, шло в «самиздат», что-то предоставлялось в Союз, поскольку там затевалось обсуждение, что-то он же передавал Твардовскому.

Н.Ф.: Вы печатали по-солженицынски, то есть через один интервал на двух сторонах?

Е.Ч.: Нет, не так, как он, без просвета — это уже печаталось как положено, но, по-моему, на двух сторонах. Я уже могу сейчас не помнить, но, по-моему, на двух сторонах, чтобы это были небольшие кипы, которые передавали.

Н.Ф.: А сохранились эти экземпляры, вы не знаете?

Е.Ч.: У меня было множество этих экземпляров, разных вещей, где Александр Исаевич вписывал своей рукой, стояла у меня такая сумка, уже в перестройку. Но когда вернулся Солженицын, увидел... А Надежда Григорьевна давала переплетать, у нее были переплетчики. И у меня были, например, «Август», где он своей рукой вписывал пословицы, синей ручкой, все это было в переплете, и был «Круг», все было. Он очень обрадовался, сказал, что у него не все сохранилось, и взял эту сумку, так что у меня не осталось ничего. *(Усмехаются.)*

Н.Ф.: Он был в гостях у вас здесь?

Е.Ч.: Да, он был здесь и всю эту сумку увез. Так что ничего не уцелело. Но, в общем-то, конечно, его архив потрясающий. Была выставка сейчас.

Н.Ф.: А открыточка, которая пришла весной 1966 года с таинственным текстом, она сохранилась*?

Е.Ч.: Она сохранилась, я все эти открытки передала уже в РГАЛИ. Они там находятся на временном хранении, то есть не принадлежат им, но уже и не находятся у меня, просто лежат у них на полке.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Ну, это все переписано.

* Александр Солженицын. От выступления против цензуры к свидетельству об Архипелаге ГУЛаг // ИС: Между двумя юбилеями. 1998–2003. Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. – М.: Русский путь. 2005, с.352–370:

«Но вернусь к началу нашего знакомства. Как-то Александр Исаевич сказал мне, что сам печатает на машинке все свои книги. А в это время были уже написаны такие большие произведения, как «В круге первом» и 5 частей «Архипелага ГУЛаг». Я предложила, если понадобится, помочь ему в перепечатке его вещей. И вот, в мае 1966 года я получила открытку: 4.5.66 «Кажется не в силах буду отказаться от щедрого подарка, который вы мне предлагаете – двух недель жизни. Поэтому, если у вас есть в запасе выходные, как вы говорили – поберегите их на вторую половину мая».

” Я думала подготовить эту переписку, но оказалось слишком много пока там рифов, много надо слишком объяснить, много имен зашифровано, много сюжетов забыто.

В общем, пока это не сдвинулось.

Н.Ф.: Но если это не объяснить, так и останется необъясненным.

Е.Ч.: Ну ничего. Тоже ничего страшного.

Н.Ф.: А вы помните, как, когда Александр Исаевич заболел, он здесь был у вас и попросил позвонить кому-то, да?

Е.Ч.: Да. Я помню, это я звонила, как выяснилось потом, Наталье Константиновне Тэнно.

Н.Ф.: А-а.

Е.Ч.: Александр Исаевич потом мне говорил, что Тэнно* — его ближайший друг, он на него очень надеялся и рассчитывал, и тот ему очень помогал. Но в 1968 году, летом, Александр Исаевич сказал, что Тэнно заболел, у него рак обнаружился на поздней стадии. И оказалось так, что я работала на улице Вавилова, на Ленинском проспекте, а Тэнно жил немножко дальше на Ленинском проспекте, и я все время встречалась с Натальей Константиновной, передавала главы «Архипелага»: «Убежденный беглец» — то, что связано как раз с Тэнно, то есть пятой части, «Каторгу», и он успел это все прочесть и правил, помню, красной ручкой, в последние буквально дни. И быстро умер, его не спасли.

* Георгий Павлович Тэнно (1911—1967) — морской офицер, переводчик, спортсмен, политзаключенный, «убежденный беглец», автор одной из глав «Архипелага ГУЛАГ».

Н.Ф.: То есть эти, правленные им, сохранились?

Е.Ч.: В архиве Солженицына, да, сохранилось. Один раз Герман [Георгий] Павлович приходил сюда, у Нелли хранится его портрет, который, впрочем, и напечатан в «Архипелаге».

Н.Ф.: Я с Натальей Константиновной был знаком по телефону, но не лично.

Е.Ч.: Она работала, как ни странно, в АПН, когда мы с ней познакомились, то есть буквально в соседнем доме. Мы много с ней потом виделись, потому что Александр Исаевич всю жизнь ей помогал. Она связывала его как-то с его эстонскими друзьями, там Тэнно был национальный герой, там происходили в честь него мероприятия, поэтому она летом ездила в Эстонию, а у Александра Исаевича там были какие-то бумаги и дела. В общем, она была связью его с Эстонией. Так что я с ним много пересекалась. Она же тоже сидела.

Н.Ф.: Да, я знаю.

Е.Ч.: В общем, он помогал очень ей, после Нобелевской премии, когда уже смог вообще помогать, до тех пор ему самому надо было помогать.

Письмо Солженицына Четвертому съезду Союза писателей

Н.Ф.: А тоже удивительную я прочел об Александре Исаевиче деталь... Он от вас именно уезжал в это «Укрывище»*.

* Название дачи в селе Рождество-на-Истье. Источник: Сарнов Б. Феномен Солженицына. Litres, 2016

Е.Ч.: Да-да-да, и сбывал бороду, помню, да.

Н.Ф.: Расскажите, пожалуйста, об этой истории...

Е.Ч.: Я же не знала, во-первых, куда он уезжал. Он уезжал на всю зиму, по-моему. И потом я помню, что он меня попросил найти адрес, куда бы он мог, когда вернется, прийти со своей рукописью и оставить эту рукопись, а потом уже появиться здесь, потому что он считал, что наша квартира уже известна как место его пребывания. А он не хотел второй раз, чтобы его рукописи попадали куда-нибудь. И я помню, как меня удивило... Я тогда работала, и было у меня, конечно, много знакомых в институте, в частности, молодой человек, сын профессора, который жил в высотке, на Набережной. Я с ним ходила обедать, в общем, часто мы с ним виделись. И вот я спросила, не называя фамилии, нельзя ли, чтобы кто-то к вам зашел и оставил на время свою рукопись. Он сказал, что подумает и потом сказал: нет. Не знаю, как Александр Исаевич вышел из положения, но, по-моему, к нам «Архипелага» — то есть здесь он был, в этой квартире, когда уже присылал главы, — но, по-моему, целиком он его сюда не приносил. Хотя я здесь его печатала, первую часть. Но это было только уже частями.

Н.Ф.: Первую часть — то есть...

Е.Ч.: Первую книжку.

Н.Ф.: Первый том?

Е.Ч.: Да, первый том.

Н.Ф.: Но это уже был 1968-й...

Е.Ч.: Это была весна 1968 года...

Н.Ф.: А до этого тоже много было всяких событий...

Е.Ч.: Было событие, которое очень готовилось интересно: письмо Четвертому съезду [Союза писателей СССР]. Рано Александр Исаевич все затеял — это к тому, насколько трудно было его опередить. По-моему, за месяц, за два... Я долго печатала. Было напечатано двести экземпляров на машинке, по семь экземпляров...

Н.Ф.: По семь экземпляров — это тридцать закладок?

Е.Ч.: Примерно. В общем, большая была пачка, были собраны имена, кому он это решил рассылать, адреса, кому-то он надписывал наверху. Интересно, что у нас пропали все эти экземпляры, но не буду отвлекаться. Короче...

Н.Ф.: Почему? Интересно, интересно.

Е.Ч.: Экземпляр, надписанный «Маме», в какой-то момент сжег хранитель, что постоянно бывало. Когда начинались обыски, люди начинали сжигать бумаги, и он сжег этот экземпляр. А потом, когда разрешили упоминать Солженицына, пришел Можяев ко мне и говорит (с которым у нас были очень хорошие отношения): «Мне нужно письмо Четвертому съезду, Коротич напечатает». И я сдуру взяла — а письмо было надписано Корнею Ивановичу — и дала Можяеву. И Коротич зацапал это письмо, ничего не напечатал и не вернул. Я говорю Боре: «Давайте письмо обратно». — «Коротич потерял».

Н.Ф.: Ничего себе, нравы какие.

Е.Ч.: И не напечатал и потерял. Но эти письма были. Тэнно, например, их бросал в разных районах Москвы, о чем он пишет. Тогда я это, кстати, не знала. В общем, они рассылали, разные люди, в том числе и я. Это было большим сюрпризом для съезда. А писатели, получившие эти письма... Александр Исаевич переехал в Переделкино в это время, когда начался съезд, и к нему приходили, Каверин, все, советовали, что делать, как быть. Он всегда считал, между прочим, что это не только его дело, что не его они должны защищать, а они должны защищать литературу от цензуры.

Н.Ф.: Конечно.

Е.Ч.: Поэтому он очень активно им давал советы, встречался со многими. Он дружил тогда с Комой Ивановым*. <...> Александр Исаевич его очень любил, всегда с ним советовался. Несколько раз Кома заявлял, что он писал какие-то страницы «Архипелага»...

* Прозвище Вячеслава Всеволодовича Иванова

Н.Ф.: Ну, что он писал кусочек про Флоренского, им написано, и это включено. Но в этом ничего нет удивительного...

Е.Ч.: Знаете, я там тоже фразу одну написала, я вам рассказывала...

Н.Ф.: Да, вы мне рассказывали.

Е.Ч.: Но, однако же, я не говорю, что это...

Н.Ф.: Кстати, в связи с этим, рассказ «Белый котенок» — это написано Тэнно или по рассказу Тэнно переработано Солженицыным?

Е.Ч.: То, что видела я — «Белого котенка», — это была рукопись Солженицына, которую он дал Тэнно, и Тэнно ее правил, уточняя там какие-то вещи: как бежали, что там Жданок этот. В общем, какие-то детали. Но он не писал этого текста — из того, что видела я. Но поскольку Кома заставил задуматься... Александр Исаевичу, во-первых, давали воспоминания. Например, у него были воспоминания Скрипниковой, из того, что я помню. Меня память подводит, но, в общем, у него были, конечно, воспоминания.

Н.Ф.: Были, конечно.

Е.Ч.: Потом он встречался постоянно с этими своими свидетелями, он их записывал.

Н.Ф.: А вы помните кого-нибудь из них?

Е.Ч.: Гершуни я видела, Наталью Ивановну Столярову я видела постоянно, Угримова видела, Лихачева видела...

Н.Ф.: А с Лихачевым у вас здесь он встречался?

Е.Ч.: Нет, в связи с «Архипелагом» он встречался не у нас, я его видела уже как-то позже. Но вообще Дмитрий Сергеевич с ним здесь встречался, и потом я с ним встречалась в Ленинграде, много раз. Он же очень пострадал, Лихачев, из-за Солженицына.

Н.Ф.: Я слышал об этом, расскажите, пожалуйста.

Е.Ч.: Александр Исаевич, когда написал «Август», собирал мнения своих читателей, которым мог доверять. Составлена была анкета, и, в частности, он дал прочесть Лихачеву. Лихачев ему ответил большим письмом. У него [Солженицына] всюду сидели помощники, ставленники, в Ленинграде была Вороньянская, Вороньянская передавала мне. Как это доходило до Солженицына — это все не по почте шло. Вороньянская переписала письмо Лихачева, прежде чем передать Солженицыну. Когда у нее произвели обыск, изъяли это письмо, и, как рассказывал Дмитрий Сергеевич, у него был поджог в квартире, потом его стукнули на лестнице, сломали ему ребро. То есть это все имело очень печальные последствия. А в «Архипелаге», в первых изданиях он — соловчанин Д. По-моему, там Лихачев не назван. Поэтому спорить с тем, что использовались материалы, было бы странно...

Н.Ф.: Я не понял, спорить с чем?

Е.Ч.: Спорить с тем, что материалы, вошедшие в «Архипелаг», — это собрание свидетельств, разнородных текстов. <...> То есть он уже строил по-своему. Кстати, Александр Исаевич говорил, что очень любит строить, именно строить большие вещи, ему это интересно.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: И у него это именно построено: как арестовывают, как везут, как живут и так далее. <...> Так же мне, но очень шуточно, говорил Миша Левин, что там цитируется песня «Ой, когда еще домой вернемся, (по-моему) / Из сибирских дальних лагерей». Может быть, я неточно цитирую, но приводится в «Архипелаге» песня. Миша говорил: «Вот у меня там тоже четверостишие, в „Архипелаге“», — но это можно только в шутку сказать. <...>

Выступление Солженицына в Институте востоковедения

Н.Ф.: Мы с вами говорили еще о 1966 годе, когда Александр Исаевич стал выступать в разных...

Е.Ч.: ...институтах. Он, собственно, выступил в одном, Институте востоковедения, если не ошибаюсь, и вызвал всеобщий восторг. Парторг нашей лаборатории была на этом выступлении и говорила мне: ну, это князь Мышкин.

Н.Ф.: Князь Мышкин?

Е.Ч.: Да, он всех потряс своим выступлением, читал главы из «Круга», и его пригласили в наш институт тоже. И, по-моему, в Карповский. В общем, он задумал несколько выступлений, но в нашем институте за час повесили объявление, что он заболел. Ему не дали больше нигде выступить. Это выступление было единственное. Потом его записали в Институте русского языка, где у него были друзья, которые очень им интересовались, дорожили и помогали. Они сделали целый ряд записей его чтения.

Съезд Союза писателей в 1967 году

Е.Ч.: Ну, 1966 год — что еще? Это была подготовка... Я уже запуталась, в мае 1967-го или в мае 1966-го был съезд писательский?

Н.Ф.: В 1967-м, по-моему, осенью 1967-го.*

* Четвертый съезд писателей СССР состоялся с 22-го по 27-е мая 1967.

Е.Ч.: Нет, что в мае — это я помню. Ну, значит, была история со съездом...

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: И было обсуждение, очень шумное, «Ракового корпуса». Александр Исаевич записал выступавших и рассылал потом изложение этих выступлений... Ну, это все есть в «Теленке».

Н.Ф.: И вы перепечатывали тоже?

Е.Ч.: Я его тоже перепечатывала. Но главное, что это все были, как бы сказать, атаки на Союз писателей. И был момент, когда казалось, что победа, что будут печатать «Раковый корпус» и издадут сборник в «Советском писателе». И даже этот сборник был составлен, где-то я смотрела по письмам. Расположен он был так: как сажают, как сидят и как живут на воле... Ну, как сидят — это «Один день Ивана Денисовича», как живут на воле — это «Матренин двор», а...

Н.Ф.: И «Случай на станции Кречетовка», наверное.

Редакции романа «В круге первом»

Е.Ч.: Да. Как сажают, да... Была такая последовательность. Но ничего этого не состоялось: ни сборника, ни печатания «Ракового корпуса». А потом был «Архипелаг», эпопея с «Архипелагом», его перепечатка и отправка... Сразу же была пленка отправлена за границу. И после этого очень быстро Александр Исаевич приступил к работе над «Кругом». Он переделывал так называемый «Круг-87», который у него был, который он предложил Твардовскому для напечатания, в «Круг-96»: «Круг», в котором было девяносто шесть глав. Причем Александр Исаевич, так как он был математиком, ему было важно, что девяносто шесть глав — это золотое сечение. Вообще он придавал значение цифрам.

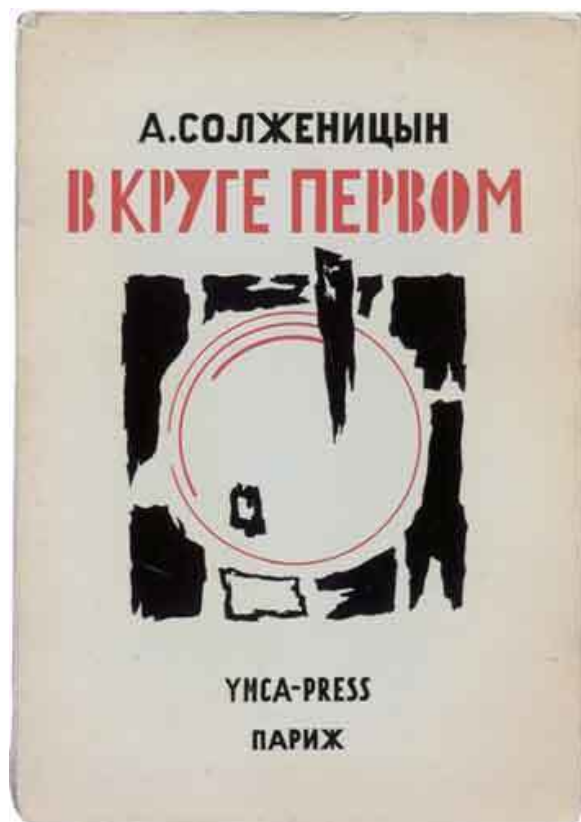
Н.Ф.: А что значит «золотое сечение»?

Е.Ч.: Не знаю.

Н.Ф.: Ну только девять и шесть как красивые цифры.

Е.Ч.: Нет, это что-то значит, я просто не знаю.

Н.Ф.: Понятно.

Первое издание романа «В круге первом».

Е.Ч.: В общем, в окончательном варианте «Круга» у него было девяносто шесть глав. И он очень изменил, конечно, как вы знаете, весь сюжет. То был медицинский так называемый сюжет, а стал атомный, это уже совсем другое дело. Вот, значит, этим он занимался.

Н.Ф.: А правильно ли мое впечатление, что «Круг-87» был специально адаптирован для публикации?

Е.Ч.: Да, это не только впечатление, он прямо об этом пишет.

Н.Ф.: Атомный сюжет — это как бы... изначальный?

Е.Ч.: Да... Это изначальный сюжет, потом он его переделал, взял сюжет медицинский, который был, собственно, известен. То есть, понятно, что человек ни в чем не повинный передавал какой-то рецепт — и все, а атомный — это, конечно, совсем другое дело.

Н.Ф.: Да, а что было добавлено к «Кругу-96», какие главы, какие сцены?

Е.Ч.: Там было несколько глав, была глава такая, помню, сорок четвертая, «На просторе», там, где едет он [герой] в Нару, туда, где была дача солженицынская, то есть он [автор] описывает очень точно места, путь, по которому он проходит. Я даже забыла: Володин, да, герой? Несколько глав он заново написал, совсем которых не было.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Кроме того, изменилась завязка. Он добавил две новые главы, я точно помню, что он писал заново, а остальные вставлены, потому что всего их вставлено оказалось девять.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Но, вероятно, были в первоначальном варианте.

Н.Ф.: Какие-то исключенные, да?

Е.Ч.: Это все, я думаю, замечательно разобрано Миррой Геннадьевной Петровой в специальном издании «Круга»*, который у меня есть. Это можно посмотреть, она сверяла тексты как текстолог, все движение сюжета у нее описано.

* Солженицын А. В круге первом: Роман / Изд. подгот. М.Г. Петрова. – М., 2006. – 798 с. – (Лит. памятники).

Н.Ф.: Вот Александр Исаевич пишет, что в замысел «Архипелага» вы были посвящены с самого начала...

Е.Ч.: Нет. Я совершенно не была посвящена с самого начала.

Н.Ф.: У него сказано, что, по крайней мере, уже в 1965 году, когда...

Е.Ч.: Нет. В 1965 году, в конце, мы только познакомились, я понятия не имела ни о каком «Архипелаге»...

Н.Ф.: Потом он уехал надолго в Эстонию...

Е.Ч.:... Но он уехал в Эстонию, потом был 1966 год, потом был еще 1967 год. Я думаю, что я узнала об «Архипелаге» осенью 1967 года.

Хлопоты о квартире для Солженицына

Н.Ф.: Но он же пишет, что вы единственная в Москве знали — на всякий случай — его адрес в Эстонии.

Е.Ч.: Да, я знала этот адрес, и его пришлось вызывать из Эстонии. Было дело один раз, потому что тут ему хлопотали квартиру. Хлопотал Корней Иванович, мы с ним ходили к Паустовскому, я очень хорошо помню, который в больнице лежал, уже он еле-еле ручку в руках держал: мы подписывали письмо. Это все у меня есть, эти все документы. И я ходила к Сергею Сергеевичу Смирнову, который тоже подписал письмо. Подали его в какие-то верхи, уже не помню, куда, и моментально пришел ответ, что Солженицыну дают квартиру в Рязани. А он не просил в Рязани, он просил в Москве. В Рязани у него было житье плохое, он очень жаловался, что какие-то грузовики все время шумели, в общем, он был рад получить хоть и рязанскую квартиру, а московской ему не дали. И тогда его пришлось вызвать из этого Укрывища...

Н.Ф.: И вы в этом участвовали тоже? В вызывании? Или это Наталья Алексеевна?

Е.Ч.: Я даже не помню, кто участвовал, боюсь сейчас наврать. Во всяком случае, я его видела, когда он проезжал через Москву...

Н.Ф.:... Возвращался.

Е.Ч.: Возвращался из Эстонии. Может быть, и Наталья Алексеевна вызывала.

Н.Ф.: А вы знали, что это по поводу квартиры?

Солженицын и Копелев

Е.Ч.: Я знала, да. Потом здесь, в нашем дворе, жил Копелев*...

Н.Ф.: А, понятно.

Е.Ч.: ...как вы, наверное, знаете. Он жил в этом доме передвинутым. Александр Исаевич в те годы, очень с ним дружил, изо всех редакций бежал ему рассказывать, как дела обстоят. И я помню, что он приезжал в Москву тогда из Эстонии, единственный раз, что он выезжал.

* Лев Зиновьевич Копелев (1912—1997) — критик, литературовед (германист), диссидент и правозащитник.

Н.Ф.: Как вы понимаете их расхождение, в чем было дело?

Е.Ч.: Дело было во многом, я думаю. Во-первых, жизнь его все больше, так сказать, брала в тиски, Солженицына, ему приходилось просто невыносимую жизнь вести, успевая всю эту работу. Наваливалось все: премия, развод, работа. Он себя постоянно подгонял, и у него не оставалось уже времени на дружеские отношения. А Лев привык к другому темпу, может быть, это его задевало. В общем, личные отношения судить со стороны трудно.

Н.Ф.: Да, это правда, конечно.

Лев Копелев, Александр Солженицын и Дмитрий Панин. 1960

Е.Ч.: Как-то они стали портиться. Но окончательно испортились, я бы сказала, уже после высылки. Тут еще они поддерживались худо-бедно, с обидами, но тем не менее. А уже после высылки Лев стал выступать, ругать его, и «Архипелаг», кстати, ругал очень сильно. А он же был связан со всеми иностранными журналистами, Лев, у него был дом — такой клуб для всех, он очень был человек общительный, обаятельный, но в этом смысле очень и опасный. Он стал бранить Солженицына и его книги, и кончилось все очень плохо, Ржезач* ему принес благодарность в своей замечательной «Спирали измены». Именно рассказы близких, таких, как Копелев, и кого-то еще, я не помню, ему помогли сочинить все это «замечательное» сочинение.

* Томаш Ржезач (1935—1992) — чешский журналист, эмигрант, секретный сотрудник МВД ЧССР.

Н.Ф.: Но это было вранье, он с ним не встречался.

Е.Ч.: Но это было вранье, он с ним не встречался, Лев, но он, так сказать, завел как бы стиль этой брани. И, кстати, Кома — прямой наследник, он женат на дочери Раисы Давыдовны*...

Н.Ф.: Да, я знаю.

Е.Ч.: И там они сильно расплевались, я уже без подробностей знаю, что было письмо Льва, которое он напечатал в журнале, обличительное, у меня тоже его нет, но я знаю, что это было, и что-то

ему отвечал Солженицын, — в общем, они рассорились. И Кома встал на сторону Льва Зиновьевича, уже с такими странными заявлениями.

* Раиса Давыдовна Орлова — вторая жена Льва Копелева.

Редакции «Архипелага»

Н.Ф.: Да. А вот возвращаясь к «Архипелагу ГУЛАГ»... Вы где-то написали, что было несколько редакций, но какие вы держали в руках, к каким имели отношение?

Е.Ч.: Первая самая редакция, та, что видели на выставке, написанная от руки.

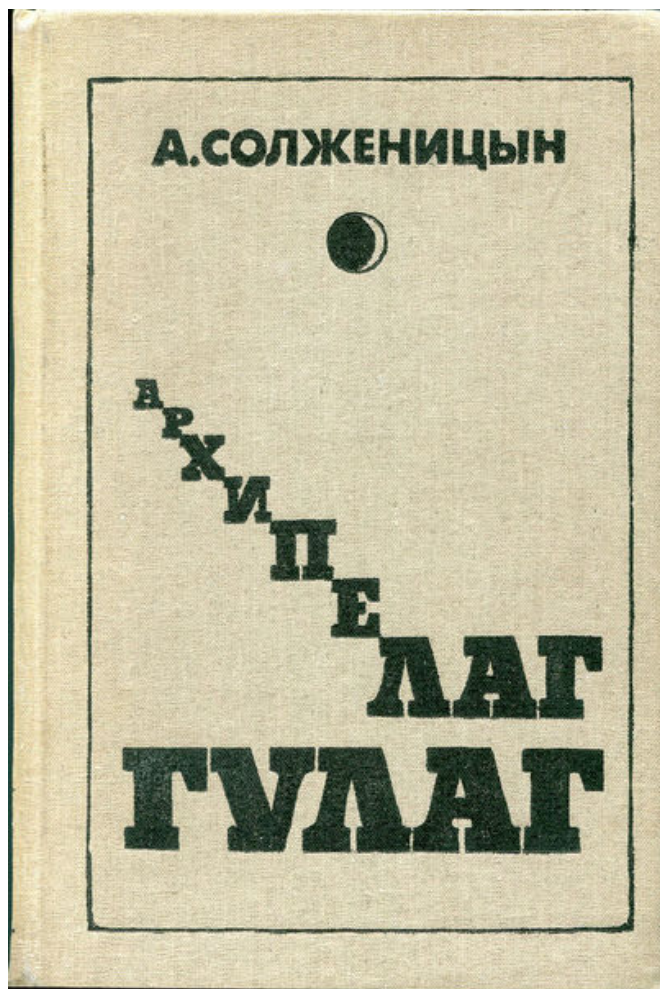
Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: В руках я ее не держала, увидела здесь впервые на выставке. Дальше было пять частей из семи, перепечатанных лично Александром Исаевичем, по этой же схеме, без просвета, без полей.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Это была по идее вторая редакция, наверное, которая печаталась с рукописи на машинку. Вторую редакцию я видела самолично. Дальше, он...

Н.Ф.: И их, этих копий, было, наверное, три?

Первое советское полное издание «Архипелага Гулаг». Москва: Советский писатель – Новый мир. 1989.

Е.Ч.: Это я не знаю, сколько было копий, просто не знаю. Дальше с этой тесной рукописи печатала Елизавета Денисовна Воронянская*. Она печатала уже с просветами, с полями, как положено, чтобы можно было править. Но это была никакая не редакция, просто перепечатка. Вот по этой перепечатке Солженицын правил в 1968 году. Это было то, с чего я печатала. Я называла эту рукопись «золотой фонд», считая, что это главная рукопись «Архипелага». Но на самом деле, конечно, главная рукопись — рукопись сама, я считаю. Но с рукописи с многочисленной авторской правкой я печатала. Значит, это была вторая редакция, получается.

* Елизавета Денисовна Воронянская (1906— 1973) — помощница и машинистка А.И. Солженицына, тайная хранительница части его рукописей.

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: Наталья Дмитриевна говорит, что была еще редакция здесь...

Н.Ф.: Да.

Е.Ч.: ...а потом еще там, по полученным там сведениям. Значит, много было.

Н.Ф.: Еще я прочитал, что была редакция, когда вы впечатывали, чтобы Карлайлы, если я правильно произношу фамилию...

Е.Ч.: Да.

Н.Ф.: ...чтобы им было удобно исправления видеть.

Е.Ч.: А, это нет. Это совсем, совсем не то. Это я предложила, когда [Солженицын] «Круг» переделал, это никакого отношения к «Архипелагу» не имеет. Это когда должен был выходить перевод «Круга»...

Н.Ф.: Они переводили и «Круг» тоже?

Е.Ч.: Да, они переводили «Круг», и кто-то, может быть, не именно Ольга переводила, но, в общем, они там распоряжались этими переводами, а так как в новый вариант было вписано, как я сказала, новых только две главы, а часть осталась старого текста, я предложила...

Н.Ф.: А, понятно.

Е.Ч.: ...просто поправить, внести правку в сохранившиеся главы, чтобы переводчикам не переделывать все заново.

Н.Ф.: Понятно.

Уничтожение рукописей Солженицына

Е.Ч.: Но эта работа не имела никаких последствий, потому что тут где-то близко наступила высылка, а дальше Александр Исаевич прислал, я вижу это по письмам, просьбу сжечь вообще все, что есть у хранителей, чтобы никто не попался ни с какими печальными историями. И мы встретились втроем. Я, наученная горьким опытом, решила, что надо обязательно при свидетелях. И мы встретились, трое главных хранителей Александра Исаевича: это Алексей Алексеевич Угримов, нет, он Александр Александрович, да, затем Наталья Ивановна Столярова и я. Мы поехали за город и сожгли все сохранившиеся варианты, в общем, все, что уже было издано и автору не понадобится, после того как архив, собственно, был увезен, — так, чтобы ничего не хранилось. Я как раз тогда получила разрешение сохранить эту сумку, которую потом забрал Александр Исаевич. Так что что-то, какие-то «хвостики» Наталья Ивановна сохранила, какой-то вариант «Теленка», потому что в «Теленке» были разные вещи, которые потом не вошли в книжку. В общем, какие-то хвосты ухватили, но в основном все было уничтожено.

Н.Ф.: Да, понятно, понятно. А вы перепечатали в апреле, Александр Исаевич пишет, что вы брали отпуск и работали целый отпуск.

Е.Ч.: Нет, я сначала печатала без отпуска, пока в Москве, в апреле, а потом, в мае, мы поехали...

Н.Ф.:... И за апрель по вечерам вы успели перепечатать первый том «Архипелага ГУЛАГ»?

Е.Ч.: Да, успела. Тогда у меня был «Темп», хорошая машинка, большая. Привозили мне и увозили куски этих глав. А потом...

Н.Ф.: Вы ничего здесь не хранили, да?

Е.Ч.: Нет, ничего не хранили. То есть была глава, которую я печатала, какой-то кусок. А потом мы поехали с Елизаветой Денисовной в Рождество на Истру, в Борзовку, и там уже печатали: я печатала второй том, а Елизавета Денисовна — третий. Александр Исаевич все это читал, правил, уже последние какие-то остатки, приезжала Надежда Григорьевна и увозила все это сразу. То есть и там тоже было всегда только то, что в работе. Когда мы напечатали, дошли до шестой части — это я помню хорошо, — Александр Исаевич выкапывал ее на огороде, она была там закопана.

Н.Ф.: Шестая, седьмая.

Е.Ч.: Шестая, я не помню про седьмую. Я помню «Мужичья чума», шестая часть, была тетрадка, рукопись. Она перепечатывалась в первый раз, это была первая редакция шестой части и седьмой тоже. То, с чем работал Солженицын, — это пять частей только, шестая—седьмая часть, они...

Н.Ф.: ...были зарыты...

Е.Ч.: ...вошли только в 1968 году.

Н.Ф.: А в чем они были упакованы?

Е.Ч.: Это я не помню. Я помню просто, что он ее раскопал, и мне уже была дана тетрадка. В чем упаковано, я не видела.

Н.Ф.: То есть вы перепечатали первый том, второй том и часть третьего?

Е.Ч.: Нет, по-моему, третий я не печатала, может быть, просто видела это, сейчас я могу запутаться.

Н.Ф.: «Мужичья чума» — это третий.

Е.Ч.: Я понимаю, что это третий, но я могла просто видеть, а что именно я печатала... Мне кажется, я второй том печатала.

Н.Ф.: Да, а потом еще... (*Отвлекаясь от темы.*) Но вы устали уже, Елена Цезаревна?

Е.Ч.: Да нет, ничего.

Н.Ф.: Расскажите, пожалуйста, про Елизавету Денисовну Воронянскую.

Отношения с Елизаветой Денисовной Воронянской

Е.Ч.: Про Елизавету Денисовну. Ей было много лет, как мне казалось тогда, она была очень старой, ей было семьдесят лет, по-моему, тогда. Жила она на Разъезжей улице в Ленинграде, я у нее много раз бывала. Это была жуткая коммуналка, она называла их «мои неандертальцы», соседей, у нее была маленькая комнатка. Она с восторгом относилась к Александру Исаевичу. У нее был стиль, я бы сказала, литературный экзальтированный, очень интересные письма. Она писала обычно мне. И я очень жалею, что... Александр Исаевич «Невидимки» писать начал здесь, и писал как раз о Елизавете Денисовне, сказал: «У меня такие ее письма, не очень интересные, вы мне дайте (которые ко мне писались) вот для этой

главы». Я ему отдала все письма, какие были. А потом, когда его арестовали, в эту ночь, Наталья Дмитриевна жгла очень много из архива и сожгла все письма Воронянской. Честно говоря, мне не очень понятно, почему, и очень жалко, потому что какая-то мистика: потом я искала ее фотографии, это была отдельная эпопея, не было ни почерка, ни фотографии — ничего не осталось. И письма все пропали. Но я только цитирую то, что она пишет, какая-то ее запись об «Архипелаге», где виден ее стиль, очень экзальтированный, я бы сказала.

Елизавета Денисовна Воронянская

Она приезжала в Москву, жила здесь у меня. Очень болела последнее время. И главное, что она мне писала, она отдыхала в Крыму летом, когда все это случилось, а я в этот год попала в тяжелую аварию, была в больнице. И она мне писала, что она с подругой в Крыму и что там они познакомились с каким-то человеком, который замечательно ими интересуется, они ходят, читают стихи. Потом он им купил билеты на поезд, и когда они приехали, их из этого поезда арестовали, и все. Дальше ведь ничего не было известно, что с ними происходило. Был, помню, жуткий ливень, я была в Переделкино, и сначала тот же Кома, по-моему, позвонил — первое пришло известие от Льва Зиновьевича, который был в Ленинграде. У него там знакомый сообщил, что что-то случилось с архивом у Леонида, как его... забываю фамилию...

Н.Ф.: Самутин.

Е.Ч.: Да, Самутин. У Самутина*. Потом в дикий ливень приехал Эткинд** из Ленинграда и рассказал, что его пригласили на похороны Елизаветы Денисовны, но когда они приехали, уже она была похоронена, и ничего нельзя было понять, что случилось. И я тогда взяла такси, поскольку ходить не могла, поехала к Александру Исаевичу в Фирсановку, где он был на даче. Он мне нарисовал план, но найти его было очень трудно, я стучала в разные дома, спрашивала: «Где Солженицын?» Никто не знал. Но потом шла мимо какого-то забора и услышала радио, Би-би-си, думаю, наверное, он за этим забором. Действительно, оказалось, он...

* Леонид Александрович Самутин (1915—1987) — геолог, деятель «власовского» движения.

** Ефим Григорьевич Эткинд (1918—1999) — филолог, историк литературы, переводчик европейской поэзии, теоретик перевода. Политический эмигрант, лишенный по политическим мотивам гражданства СССР и высланный из страны в 1974 году. Главными пунктами обвинения было хранение рукописей Солженицына, с которым Эткинд дружил более десяти лет.

Н.Ф.: То есть вы после аварии там ходили.

Е.Ч.:... Да, я уже ходила все-таки, это было уже... Ну вот, и я ему привезла это известие, что конфискован не то архив, не то «Архип». Это было первое сентября. Он в это время писал свое письмо «Вождям [Советского Союза]» очень увлеченно. Быстро довольно выяснили, что все-таки взят «Архип».

Но с Елизаветой Денисовной, я считала, что надо выяснять, что с ней случилось. Поехал Алеша Шаповальников, Александр Исаевич ничего выяснять не стал и считал, что напрасно поехал Алеша... Как-то принял эту версию, сообщенную.

Н.Ф.: Почему?

Е.Ч.: Не знаю, почему, просто не знаю. Вообще-то выяснять не очень просто было, мы в конце концов ничего и не выяснили, потому что Самутин ничего не сообщил.

Я с Самутиным знакомилась как раз у Елизаветы Денисовны, и это тоже была история. Мне не нравились власовцы, скажем так, и я не хотела с ним знакомиться. Но как-то пришла к Елизавете Денисовне, и там был Самутин. Он со мной поздоровался и говорит: «Я не знаю, как вы ко мне отнесетесь». Я говорю: «Я не знаю, как я *к вам* отнесусь, но к власовцам я отношусь плохо». И дальше, значит, мы поговорили, и никаких впечатлений у меня не осталось от него.

Н.Ф.: Какой смысл ему было представляться сразу: я, вот, власовец?

Е.Ч.: Но это было известно мне почему-то.

Н.Ф.: То есть вам было известно?

Е.Ч.: Да. Я знала про него...

Н.Ф.: Но довольно странно...

Е.Ч.: Да, но, в общем, он странный. Вы читали его потом — то, что печатали?

Н.Ф.: Нет, не читал. Но это даже жена опровергла, что это все...

Е.Ч.:... Но жена...

Н.Ф.: ...из-под палки писали.

Е.Ч.: Это «Военно-исторический журнал» печатал какие-то гадости. Потом жена опровергла, выпустила книжку — тоже не лучше. В общем, не знаю, не очень он мне нравился. Но судить этих людей трудно, он просидел столько лет, второй раз садиться ему не хотелось.

Н.Ф.: Да-да. А откуда версия взялась, что Елизавета присоединила к «Крохоткам» «Молитву»?

Е.Ч.: Я не знаю ничего про это.

Н.Ф.: Александр Исаевич пишет с понятной досадой (если это так): «Вот она пустила „Молитву“, хотя этого не надо было делать».

Е.Ч.: Я не знаю, откуда он мог взять это, но я могу многого не знать.

Н.Ф.: Понятно.

Е.Ч.: Или забыть. Я просто этого не помню. Но Елизавета Денисовна, она могла, конечно, она этим жила и очень увлечена была и перепиской и перепечаткой, и самими вещами...

Н.Ф.: Но печатывала гораздо медленней, чем вы?

Е.Ч.: Я не знаю, но может быть. Во всяком случае, она много отдавала этому.

Н.Ф.: Много отдавала?

Е.Ч.: Да. Пока не заболела. Она была соученицей — откуда она взялась — Ирины Николаевны Томашевской.

Н.Ф.: Да. Но скорее Томашевская взялась от Воронянской, потому что именно Воронянская написала восторженное письмо Александру Исаевичу с предложением помощи. И это письмо сохранилось,

оно опубликовано в «Дорогой Иван Денисович», вот в этом сборнике.

Е.Ч.: Да, да-да, очень хороший сборник.

Н.Ф.: Прекрасное письмо.

Е.Ч.: Особенно там понравились письма сослуживцев военных.

Н.Ф.: А вы были знакомы с Пахтусовой?

Е.Ч.: Нет. Я была знакома хорошо с Натальей Владимировной Кинд, которая дружила с Пахтусовой. По-моему, они как-то были связаны. Я от нее слышала о ней, но сама не была знакома и никогда ее не видела.

Н.Ф.: Да, понятно. Мне кажется, может быть, сейчас уже стоит прерваться.

Е.Ч.: Ну давайте прервемся. По-моему, вопросы исчерпаны.

Н.Ф.: У меня-то еще много вопросов. Видите, я даже составил список, у меня целая страница, вопросов много. Но давайте сейчас [прервемся], просто я чувствую, что когда получается не рассказ, а краткие [сообщения]...